

УДК 78.072.3; 93/94; 101.1
ББК 85.313(2); 63.0; 87.25

Космовская Марина Львовна

Доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории музыкально-компьютерных технологий, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, 33

ORCID ID: 0000-0001-9533-2806

ResearcherID: D-4047-2017

svirel11@yandex.ru

Ключевые слова: методология подготовки рукописей к публикации, Н.Ф. Финдейзен, работа с текстом, комментирование и технические аспекты

Космовская Марина Львовна

Методология работы с рукописями. (Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2023-3-380-409

Для цит.: *Космовская М.Л.* Методология работы с рукописями. (Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена) // *Художественная культура*. 2023. № 3. С. 380–409. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-3-380-409>.

For cit.: Kosmovskaya M.L. Methodology of Working with Manuscripts (from the Experience of Preparing for Publication the Materials from the Archival Funds of N.F. Findeisen). *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2023, no. 3, pp. 380–409. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-3-380-409>. (In Russian)

Kosmovskaya Marina L.

D. Sc. (in Art History), Professor, Chief Researcher at the Research Laboratory of Music and Computer Technologies, Kursk State University, 33 Radishcheva Str., Kursk, 305000, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9533-2806

ResearcherID: D-4047-2017

svirel11@yandex.ru

Keywords: methodology of preparing manuscripts for publication, N.F. Findeizen, working with the text, commenting and technical aspects

Kosmovskaya Marina L.

Methodology of Working with Manuscripts
(From the Experience of Preparing for Publication
the Materials from the Archival Funds of N.F. Findeizen)

Аннотация. Попытки ответа на вопрос о том, что заставляло незаурядных деятелей культуры и искусства вести дневники, приводят к выводу, что причиной этой систематической поденной работы было осознание выполнения собственного предназначения, поиски которого начинались в детстве и выливались в выбор основного вида деятельности во взрослом состоянии. Фиксация в рукописях фактов современности с их первоначальной оценкой с юности становилась потребностью души. Именно высоким (хотя порой и подсознательным) осознанием своего пути как миссии на страницах дневников запечатлена эпоха. И отсюда — краеугольный методологический принцип в работе с рукописями: в сбережении подлинных текстов. Без купюр или собственных импровизаций; с сохранением всех особенностей записи (вплоть до пояснений скорописи). При такой бережной работе создается возможность последующих переизданий — исправленных и доработанных. А нам, сегодняшним, предоставляется возможность оценки исторических событий с весьма уже отдаленной временной перспективы.

Многолетняя (с начала 1980-х годов) работа с дневниками Николая Федоровича Финдейзена (1894–1928) — ученого, историка и историографа русской музыки, создателя и бессменного редактора-издателя «Русской музыкальной газеты» (1894–1918), а в 1920-е годы организатора и руководителя Музыкально-исторического музея Академической ленинградской филармонии (ныне — Музей музыки в Шереметевском дворце) — дала возможность некоторых обобщений по проблемным аспектам исследований рукописей отечественных музыкантов, что и отражено в основном разделе статьи.

Abstract. The attempts to answer the question of what made outstanding figures of culture and art keep diaries lead to the conclusion that the reason for this systematic daily work was the awareness of fulfilling their own destiny, the search for which began in childhood and resulted in the choice of the main type of activity in adulthood. Recording facts of the times in manuscripts with their initial assessment was a need of soul from youth. It is through strong (though sometimes subconscious) awareness of their path as a mission that the epoch is imprinted on their diary pages. Hence the cornerstone methodological principle in working with manuscripts: the preservation of authentic texts; without notes or improvisation, preserving all the features of the writing (up to cursive explanations). Such careful work creates the possibility of subsequent reprints — corrected and modified. And we, the people of today, are given the opportunity to evaluate historical events from a very distant time perspective.

Long-term (since the beginning of the 1980s) work with the diaries of Nikolai Fedorovich Findeizen (1894–1928) — a scientist, historian and historiographer of Russian music, the creator and permanent editor-publisher of the *Russian Musical Newspaper* (1894–1918), and in 1920s the organizer and head of the Musical-Historical Museum of the Academic Leningrad Philharmonic Society (now the Museum of Music in the Sheremetev Palace) — has allowed making some generalizations on the problematic aspects of the study of manuscripts by Russian musicians, which is reflected in the main section of the article.

Посвящается памяти Евгения Михайловича Левашева⁽¹⁾

Введение

Дневники, воспоминания, переписка — многотомные папки архивных единиц хранения, которые сохраняют для нас «стенограф души, мышления» [7, л. 110] выдающихся деятелей литературы и искусства — особая часть духовного наследия социума. Если подборки эпистолярной создавались из потребности в общении, чаще всего обусловленном симпатией или профессиональной деятельностью, а воспоминания — из стремления дать оценку ярким фактам своей, уже, как правило, почти прошедшей жизни, то дневники, записи в которых велись порой с завидной регулярностью, вызывают вопрос — что заставляло человека их вести на протяжении порой всей его творческой жизни? Ответ на этот вопрос видится генеральным, краеугольным не только для понимания самого жанра поденных записей (дневников, заметок или записок, к примеру, как у М.И. Глинки или Г.В. Свиридова), но и для осознания философско-методологических основ работы с рукописями мемуарного типа.

«Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я — художник, т.е. свидетель» [14, с. 476], — писал А.А. Блок 14 апреля 1917 года. Обдумывая эти слова поэта в дневниковых записях 1955 года, Г.В. Свиридов, по свидетельству А.С. Белоненко, подчеркивает их двумя чертами [13, с. 33].

От подсознательного осознания (порой неявного, как и та высшая сила, что заставляет композиторов записывать звучащую в голове музыку) своего пути как миссии и предназначения поэты, писатели, художники, музыканты фиксировали свои идеи, размышления, факты, продлевая свое духовное присутствие на Земле, предоставляя будущим исследователям возможность пошагового «воспроизведения...

жизни» [7, л. 110]. Это была внутренняя потребность, обусловленная пониманием дела жизни как призвания; того, что ты идешь своим, только одному тебе данным Богом путем.

Именно так воспринимал свой профессиональный выбор Николай Федорович Финдейзен, когда вопреки семье и полученному образованию в Санкт-Петербургском коммерческом училище, то есть потомственной карьере российского купца, он решает заниматься музыкой, причем не исполнительством, что еще хоть как-то могли бы принять родственники, а оценкой и описанием, пропагандой и коллекционированием материалов-документов, а также объединением музыкальных сил страны. Интересно и то, что он четко осознавал свою роль в истории русской музыкальной культуры, что отражается, к примеру, в такой его записи: «Мой удел — быть только фонарем, который бы ярко освещал памятники великих людей в нашу ночную темноту, чтобы люди не забывали, кто для них жил, что людям дано... И то хорошо. Лучше быть фонарем, чем плакать, страдать и... ничего не делать» [20, с. 161], — писал он в дневнике 19 октября 1895 года.

Рукописи Н.Ф. Финдейзена

Работа по подготовке к изданию рукописей Н.Ф. Финдейзена⁽²⁾ (1868–1928) — ученого, историка, источниковеда и историографа русской музыки с древнейших времен, музыкального критика (не только практика, но и теоретика, разработавшего научные основы музыкальной критики), создателя и бессменного редактора-издателя «Русской музыкальной газеты» (1894–1918), музыкально-общественного деятеля, лектора, педагога, собравшего обширнейшую частную музыкальную коллекцию (сегодня составляющую около 6000 единиц хранения в центральных архивах России в Москве, Санкт-Петербурге и Клину Московской области), — дает возможность для некоторых обобщений и предложений по методологии работы с дневниками как в широком

(1) По инициативе Евгения Михайловича Левашева отдельные факты о методологии работы с рукописями дневников Н.Ф. Финдейзена были выделены и озвучены в докладе М.Л. Космовской на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.В. Свиридова (Государственный институт искусствознания, Москва, 16–18 декабря 2015 года).

(2) Научно-исследовательская работа, подготовка к публикации и издание дневников Н.Ф. Финдейзена велись автором статьи при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований с 2000 по 2021 год.

смысле этого понятия, так и в плане форм и методов современной организации труда исследователей, особенно начинающих.

Дневники Н.Ф. Финдейзен писал с юношеского возраста и до последних месяцев своей жизни. Систематически сортируя материалы собственного архива, дневники до 1887 года он считал необходимым сжечь. По сохранившимся тетрадям рубежа 1880–1890-х годов можно сказать, что писались они с применением скорописи, тайнописи, очень неразборчивым почерком и почти нечитабельны. Однако будучи по натуре историком-архивариусом и сохранив все же несколько тетрадей этого рода, нумерацию им он дал только с 1892 года, переплетая в отдельные тома рукописи по мере их накопления. Всего таких томов было им создано семь. Шесть с половиной из них уже изданы или готовятся к выходу в свет в Санкт-Петербурге в издательстве «Дмитрий Буланин». В 2004 году — дневники 1892–1901 (вошли первые три тетради Н.Ф. Финдейзена) [20]; в 2010–1902–1909 (четвертая и пятая) [21]; в 2013–1909–1914 (первая половина шестой тетради [3]) [22]. В 2016–1915–1920 (вторая половина шестой тетради) [23]. В 2021–1920–1924 (первая половина седьмой тетради [12]) [24]. В январе 2022 года завершена работа над итоговым томом — за 1925–1928 годы (вторая половина седьмой тетради [12]). Этот шестой и итоговый том «бытовых дневников», как их называл автор, сегодня ожидает возможности издания.

Около 40 лет Финдейзен фиксировал собственные идеи (сохранились дневники с 1888 года, однако полной расшифровке поддаются только с 1892 по 1928 год), парадоксальные мысли, отмечал знаменательные встречи, рассуждал о превратностях судьбы музыканта. Причем он вел летопись не только своей жизни, но и всех тех, кто его окружал, подчас именно в дневниках фиксируя канувшие в Лету, не донесенные их авторами до бумаги воспоминания...

Дневники не охватывают лишь первые десятилетия жизни. И, как бы восполняя этот пробел, Н.Ф. Финдейзен в 1907 году пишет «Автобиографию» [17], а в 1910–1920-е годы создает четыре объемных тетради, озаглавленные им «Из моих воспоминаний» [25], рисуя картину своего детства и юности, семьи и истоков увлечения музыкой, театром, литературой. Таково его основное дневниково-мемуарное наследие.

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

Слова А.А. Блока в приведенной выше цитате о повелении судьбы в необходимости создания свидетельств современности — довольно-таки четкое осознание причин создания записок и дневников. А Н.Ф. Финдейзен так рассуждает о самом процессе ведения «поденных записей» (август 1891 года): «Для чего и для кого пишу я свой дневник — положительно не знаю, а не писать — не могу» [7, л. 110].

Внутренний двигатель потребности в систематической фиксации, вырабатываемый с детства⁽³⁾ и действовавший до последних дней, и дает нам возможность окунуться в систему мышления ушедших незаурядных людей и погрузиться в мир их идей, радостей и неудач...

Мемуарная литература и дневники Н.Ф. Финдейзена

Дневники Н.Ф. Финдейзена в ряду аналогов занимают особое место. Поденные записи русских композиторов представляют собой лирические исповеди, это как бы продолжение их звукотворчества в иных, вербальных знаках. Таковы «Записки» М.И. Глинки, «Летопись моей музыкальной жизни» Н.А. Римского-Корсакова, дневники П.И. Чайковского. Подобных же дневников русских музыкальных писателей того же периода, увы, нет... В.В. Стасов, А.Н. Серов, Н.Д. Кашкин, Г.А. Ларош, В.Г. Каратыгин не чувствовали необходимости фиксации событий собственной деятельности. Их жизнь была заполнена музыкально-критической и общественной работой. Летописцами они себя не ощущали. Финдейзен же был прежде всего историком, стремившимся к исследованиям исключительно по первоисточникам, и потому как историк он именно дневникам отдавал предпочтение среди документов мемуарного и эпистолярного жанров. Он с увлечением знакомился с мемуарами М.И. Глинки и Н.А. Римского-Корсакова, А.И. Тургенева и И.А. Гончарова, В. Шекспира и И. Гёте, читал письма А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Р. Вагнера и др. Отголоски его впечатлений постоянно встречаются на страницах рукописей: «С наслаждением читаю „Разговоры Гёте“, записанные Эккерманом. Сколько в них

(3) Определенную роль в этом процессе для Н.Ф. Финдейзена сыграл и родительский опыт — сохранилась записная книжка его матери [6].

живой, правдивой и художественной мысли!» [20, с. 130], — 1 апреля 1893 года; «С величайшим наслаждением проглотил 1-й том „Записок“ Челлини. Что за прелесть!» [20, с. 195], — 7 августа 1897 года; «Вчера и сегодня прочел письма Вагнера к Хеккелю» [20, с. 234], — 11 ноября 1898 года; «...Нестерпимая апатия. Тошно. Спасаясь „Разговорами“ Гёте. Мысли этого великого старика бодрят все существо хоть бы не на долгие минуты. А потом опять колотишься в оцепенении и бездеятельности» [21, с. 160], — 26 апреля 1906 года; «Насладился сегодня письмами Рубинштейна к Петерсону» [22, с. 85], — 29 октября 1909 года.

Высокая историческая оценка дневников предшественников давала Финдейзену импульс к собственным ежедневным записям. При этом воспринимая мемуары и письма как литературу увлекательную, приносящую раздумья и душевное равновесие, Финдейзен подчеркивал: «Дневники хороший и часто надежный (хотя бы с фактологической и хронологической сторон) исторический материал» [21, с. 197], — 16 ноября 1907 года; «Эти дни утешался чтением воспоминаний А.И. Тургенева и др. статей в „Русской старине“. Какие чудесные свидетельства эпохи современной и предшествовавшей Глинке!» [22, с. 114], — 30 сентября 1910 года.

Постоянное обращение к собственным дневникам для Н.Ф. Финдейзена было естественным продолжением рабочего дня, отдохновением от тягот и уходом от суетности бытия. А по большому счету их ведение ощущалось им как повседневная сакральная обязанность. Долг, который он свершал, фиксируя факты своей жизни на Земле. И аналогично воспринимались собственные дневниковые записи многими художниками: как дело, исполняемое в благодарность за дарованную свыше судьбу — судьбу художника, поэта, музыканта. У Блока — за дар рифмы; у Свиридова — за композиторские тернии; у Н.Ф. Финдейзена — за приобщенность к великому таинству музыки как историка, педагога, неутомимого музыкально-общественного деятеля.

При подходе в этом ключе к работе с рукописями для подготовки их к изданию они чаще всего тоже становятся отдаванием долга памяти и той роли, которую сыграл ушедший незаурядный человек в твоей собственной жизни. Это — предназначенность уже твоего бытия...

При осознании «отдания долга благодарности» и собственной предназначенности для этой работы приходит радость и благодар-

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

ность судьбе за каждый свободный день, неделю, месяц, дарованные для погружения в дневники с целью их обнаружения.

В то же время за годы, складывающиеся уже в четыре десятилетия, приходят наблюдения, которые могут быть небезынтересны коллегам-музыковедам.

Формы, методы, проблемы работы с дневниками Н.Ф. Финдейзена

Можно ли сожалеть, что дневники Н.Ф. Финдейзена были изданы не в XX, а уже в XXI веке? Пожалуй, ранее это было нереально, да и вряд ли своевременно: очень уж резок он был в своих оценках политических событий современности.

Впрочем, не только войн и революций... Своих современников он также порой не щадил на страницах дневников. Именно поэтому еще в 1990-е годы исследовательский акцент был сделан на бытовых дневниках, а не на музыкальном, рукопись которого еще ожидает своего часа (исследования и публикации) в архиве Российского национального музея музыки в Москве.

Хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что ни одна рукопись, изданная вскоре после смерти автора, не принималась современниками. Вспомним, как резко и негативно была воспринята «Летопись моей музыкальной жизни» Н.А. Римского-Корсакова в ее первом издании в 1909 году, сколько неприятных моментов пережила Надежда Николаевна, жена ушедшего в мир иной композитора. Да и второе издание постигла та же участь...

Н.Ф. Финдейзен, понимая это и передавая собственный архив на хранение в Отдел рукописей Публичной библиотеки (ныне — Российской национальной библиотеки), пишет «Завещательное распоряжение»: «Бумаги Н.Ф. Финдейзена. Переданы в Рукописное отделение государственной Публичной библиотеки 23 февраля 1920. Предоставить в общее пользование через 10 лет после моей смерти. Н.Ф.» [10]. Его поручение было четко исполнено, и впервые о тетрадах «Из моих воспоминаний» говорится в 1938 году, в отчете А.Н. Римского-Корсакова: «Архив газеты состоит из двух с половиной десятков папок со статьями, библиографическими карточками, редакционной перепиской, регистраторами и историческими материалами (использованными и неиспользованными) и т.д. Личный архив

Финдейзена заключает в себе 3416 писем от 329 лиц, адресованных лично ему, белой рукописи его воспоминаний и материалов к ним и, наконец, материалов по его последнему труду — „Очеркам по истории русской музыки“ [19, с. 92].

Впервые фрагменты дневников были опубликованы в 1990-е годы, в газете «Музыкальное обозрение» [16; 18], вызвав большой интерес музыкальной общественности. Ни одного отрицательного отзыва, ни одного несогласия, хотя и были отдельные замечания, правда уже в 2000-х годах и по отношению к примечаниям. На таком восприятии его дневников, безусловно, сказалась временная пауза, которая затянулась не на одно, как предполагал Н.Ф. Финдейзен, а на многие десятилетия. Впрочем, в основном из-за откровенности и резкости его высказываний, в советское время издание этих текстов было невозможно.

Вошедшая в нашу жизнь с 2017 года ежегодная публикация дневников Н.Ф. Финдейзена в «Музыкальном обозрении» (которое обрело уже статус российской национальной музыкальной газеты) в весьма интересной форме — с обилием иллюстраций и выделением ключевых мыслей — в рубрике «Рифма в 100 лет» делает еще более популярными финдейзеновские высказывания, мысли и идеи, показывая, что сказанное им остро, современно, актуально и в наши дни.

В таких формах — в больших томах, изданных при поддержке РГНФ и РФФИ как академическое издание (в 5 томе, на обороте титульного листа, наряду с указанием номеров исследовательского и издательского проектов, ремарка: «...не подлежит продаже», и это при тираже в 300 экз.) и в популярно-просветительских публикациях «Музыкального обозрения» — сегодня звучит голос Н.Ф. Финдейзена.

Работа с текстом любой рукописи — главная и весьма непростая проблема. Сложность расшифровки текста дневников показывает, почему первое издание бывает не совсем полным и требует последующей доработки и переиздания. Одна из причин — неоднократно выявленная в работе невозможность правильного прочтения рукописного текста с первого раза. Более того, стало понятным, что необходимо привлечение к этой работе дополнительных сотрудников, так как первая расшифровка довлеет над сознанием того, кто ее проводил. Сторонний же взгляд нередко выявляет удивительные метаморфозы

прочтения отдельных слов и фраз, а порой и просто предлогов, которые расставляют новые акценты и придают уже иной смысл тексту.

Примеры. Первоначально было прочитано так.

«Пятница 5 января <1>918 г. Вчера был у Дм<итрия> Стасова;⁽⁴⁾ в сущности, зря пропутешествовал к нему в типографию (с № 2-м и уплатой Чернышеву чеком Рузского) по сугробам и рытвинам — на что похож город, не убираемый, без трамвайного сообщения, с толпой (буквально всюду) серых хамов, торгующих, куда-то спешащих с пожитками или просто расталкивающих буржуев! Старик (больше напоминал покойника и еще больше теперь — Вл<адимира> Вас<ильевича>) лежал в постели; ему вчера хуже, хотя уже ходил по комнате несколько дней, после осиленного воспаления в легких (вот натура — в его годы!). Но в памяти, говорил внятно, а обрывал Варв<ару> Дм<итриевну> и совсем сердито — еще бы окружен 3-мя старыми дамами. Дал несколько старых конц<ертных> афиш и теке-ров⁽⁵⁾; обещал еще и продать несколько автографов Глинки и партии его струн<ного> квартета. Вспоминал об Энгельгардте и его завещании. Город был особенно оживлен благодаря отсутствию трамваев и кануну открытия Учр<едительного> собр<ания>. Всюду — плакаты с призывами манифестировать сегодня и в противоположность — резолюция „комиссаров“ с угрозой репрессий. Купил у мальчишки, расклеивавшего резолюции, экземпляр» [23, с. 218–219].

Все вроде гладко, только получается, что Д.В. Стасов лежал больной... в типографии... Замеченная несурезица привела к повторному обращению к тексту, уже после третьей сверки. Оказалось, что пропущен соединительный союз «и»: «...путешествовал к нему и в типографию...». Это «и» все ставит на свои места, выделяя три темы — порядок в городе, дела в типографии по поводу второго номера «Русской музыкальной газеты» и посещение Д.В. Стасова. В приведенной цитате хотелось бы обратить внимание на чувство формы высказывания Н.Ф. Финдейзена даже в дневниках и представленное в этом абзаце: состояние города и социума, обрамляющее его личные дела, откладывает отпечаток и на настроение, и на общение.

(4) Дмитрий Васильевич Стасов скончался 28 апреля 1918 года, то есть почти через четыре месяца после этого посещения.

(5) Текер — аналог степлера. Очевидно, имеются в виду программки, прошитые скобами.

Ошибки такого рода при расшифровке текстов можно считать чисто техническими, хотя и они искажают текст. Гораздо более опасными видятся смысловые подмены текста, происходящие от уверенности в единственно верном прочтении слов и словосочетаний, что и становится причиной додумывания или иной формы искажения текста при наборе.

Приведу еще несколько примеров. «Вместо работы и службы — бессонница, верчение мельницы (до одурения) с вопросом покупки провизии и носка дров» [23, с. 278], — запись от 31 января 1919 года. Вопрос покупки провизии и в самом деле в революционные годы был главным и вертелся в голове до одурения. Н.Ф. Финдейзен даже вписывал в дневники изменение цен на самые необходимые продукты. Однако при второй сверке рукописи с электронным вариантом текста оказывается, что слово «вопросом» — додумано при наборе текста, а в рукописи четко прописано другое — «овсом». Вот и меняется смысл предложения: «Вместо работы и службы — бессонница, верчение мельницы (до одурения) с овсом, покупка провизии и носка дров. Хороша надвигающаяся „спокойная“ старость! И притом — полная отчужденность от близких...». Безрадостное ночное одиночество за приготовлением овсяной муки для семьи...

Еще один явный пример смысловой подмены. Первый вариант: «Как хорошо бы попасть в какой-либо музей или библиотеку, чтобы закончить словарь, а там — издать и сказать, адью!» [23, с. 283], — 1 марта 1919 года. Это было время, когда Н.Ф. Финдейзен еще не нашел себя после вынужденного прекращения деятельности «Русской музыкальной газеты». Согласен был даже на работу учителя музыки в общеобразовательной школе, но там еще только пообещали рассмотреть его «Программу» [8]. В этих условиях он занялся собственным архивом и составлением Словаря российских музыкальных деятелей. А для этого надо бы служить в библиотеке, чтобы и в рабочее время, и после него можно было бы работать с документами и материалами, необходимыми для реализации этой идеи, которую он еще в юности называл в числе трех самых главных (история музыки, глинкаiana, словарь), а В.В. Стасов убеждал, что словарь — важнее всего, даже журнала.

Вторая сверка показала, что об издании Н.Ф. Финдейзен в то время еще даже и не задумывался, а текст из-за смены одного только

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

слова «издать» на «удрать», приобретает иной смысл: «Как хорошо бы попасть в какой-либо музей или библиотеку, чтобы закончить словарь, а там — удрать и сказать, адью!» А ведь это — одно из очень редких упоминаний о возможности покинуть Родину, которое все же говорит о допустимости им самой мысли об эмиграции.

Таким образом, вновь и вновь обращаясь к рукописи, мы выявляем недостатки ее прочтения. И даже троекратная сверка не обеспечивает полной уверенности в досконально правильной передаче текста.

Примечания в процессе работы по подготовке дневников Н.Ф. Финдейзена к изданию — наиболее проблемный раздел работы. Для понимания текстов они очень важны, поскольку порой его записи более похожи на план, так как велись зачастую в виде кратких заметок. Фиксация факта без его развития. Констатация. И почти за каждой фразой — раскрывающаяся при целенаправленном поиске незаурядная история, яркий фрагмент прошлой жизни, порой забытая биография. Понять же это можно лишь после того, как пройдешь длинный путь в поисках ответа на вопросы, рождающиеся при изучении текста.

В качестве примера проблемного поиска можно вспомнить строки, раскрывающие один из кризисных моментов отношений с В.В. Стасовым: реакция последнего на фельетон Е.М. Петровского после серии рецензий Ц.А. Кюи об операх Вагнера. В дневниках — только упоминание событийной стороны конфликта: «28-го. Сегодня от Стасова письмо, пишет, что после ст<атьи> о Вагнере и Кюи „музык<альная> компания“ от меня отвернется навсегда. Послал ему крупное письмо. 29-го. <...> От Стасова совсем странное письмо. В моем письме прочел то, чего в нем не было; вся „музык<альная> компания“ для него точно святыня. Ответил» [20, с. 219], — 28–29 апреля 1898 года. Сами споры на страницы дневника не вынесены. Они сохранены в публикациях и письмах и, будучи прочитаны фронтально, в хронологии их написания, дают полное представление о роли каждого участника спора, о стиле и методе их критических высказываний, о характере и личности каждого [примечания 1247–1251: 20, с. 375–376].

Поиск ответов на «зашифрованные» в тексте Финдейзена сведения для комментариев нередко приводил к ошибочным результатам, и лишь последующие уточнения опровергали первоначальные сведения. Так, к примеру, поиск информации о газете «Копейка» («Сегодня

вышли только „Листок“ и „Копейка“, — 5 января 1918 года) привел к неправильному выводу, что эта газетка не вошла в каталоги. Оказалось же, что называлась она не «Копейка», а «Газета-копейка», была бульварным изданием и выходила с 1908 по 1918 год.

Вот одно из таких мест. 8 ноября 1897 года Финдейзен записал: «Судят Гарвея (оправдали!)». Энциклопедии дают сведения об Уильяме Гарвее (1578–1657), английском враче и физиологе, основателе современной эмбриологии. «Весь Петербург» на 1897 год отвечает так: «Гарвей Николай Иванович. Редактор журнала „Вестник Российского Общества Покровительства животных“». Однако в самом журнале редактором назван Н.С. Хесин! Анализ содержания журнала за год выводит на заметку о содержательнице молочной фермы, которая ездила на изнуренной лошади, так как кормила животное «одной мерой овса в месяц»⁽⁶⁾, за что и была привлечена истцом, то есть редактором журнала, к ответственности. Приговорена к штрафу в 10 рублей или аресту на 3 дня.

Было сделано предположение, что Н.С. Хесин и Н.И. Гарвей — одно и то же лицо и Гарвей — псевдоним Хесина, взятый по имени английского ученого. В таком случае, именно об этом судебном процессе идет речь в дневнике? Сомнению был подвергнут интерес Финдейзена к столь незначительному делу, весьма далекому от его интересов.

Последующий же поиск показал ошибочность всех предшествующих умозаключений, так как, безусловно, речь шла о процессе, инициированном книгоиздательской фирмой Альфреда Девриена и освещаемом в прессе под заголовком «Бичи книжной торговли». Это было дело о систематическом хищении книг в издательстве и продаже их через букинистический магазин, причем торговля новыми книгами у букинистов приобрела весьма значительные масштабы, что вызывало справедливое негодование издателей. Поэтому следствие, а затем и судебный процесс над пойманным с поличным приказчиком одного из магазинов ожидался громким и показательным, чтобы пресечь действия тех, кто пособничал в передаче книг «старьевщикам».

(6) Вестник Российского Общества покровительства животных. 1897. № 10/11. С. 291.

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

Защитником ответчика, Николая Ивановича Гарвея, великобританского подданного, был известный адвокат М.Л. Гольдштейн, выстроивший свою речь на раскрытии лучших личностных качеств подсудимого, и 23-летний молодой человек предстал перед судом присяжных жертвой неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств.

Приехав в Россию на заработки гувернером в богатую многодетную семью (шестеро детей) графа Менгден, юноша влюбился в графиню. Последняя, овдовев, переложила на плечи молодого человека заботу о благосостоянии всей семьи. Благородный англичанин устроился на работу, причем, благодаря усердию и трудолюбию, быстро продвигался по службе. Однако и все увеличивавшихся его доходов было недостаточно на содержание графини с детьми, которые не ограничивали себя ни в чем.

Неприглядный портрет графини Менгден еще более подчеркивал безвыходность ситуации, в которой оказался Гарвей, не сумевший отказаться от подвернувшейся оказии в увеличении заработка. Не более чем проступок благородного человека, не требующий дополнительного наказания кроме уже понесенного при огласке самого факта, — так представил дело адвокат и в результате суд присяжных единогласно оправдал Н.И. Гарвея.

Действительно, история не для дневника музыканта. Но в трех словах дневника, приведенных выше, зашифровано уважение и восхищение работой адвоката, да и суда присяжных, особенно на фоне личности графини Менгден.

Во избежание неправильных толкований, «кодировка» только автору понятных фактов нередко так и осталась нераскрытой, несмотря на многоэтапный поиск. Например, запись: «Скончался Доде» [20, с. 208], — 6 декабря 1897 года. Первое предположение — имеется в виду Альфонс Доде, который покинул сей мир в том же году. Но продолжение фразы разрушает его: «Мила была у бедной чахоточной женщины, очевидно интеллигентной», с 3-мя детьми — муж их покинул!» Следовательно, первоначальный вариант ошибочен. Расшифровка факта не увенчалась пока успехом.

Вот еще несколько нерасшифрованных «кодов»: «...счета в „Краго“» [20, с. 166], — 13 февраля 1896 года; «...полуоперетка Кесслера —

„Крысолов из Гаммельна“» [20, с. 185], — 7 мая 1897 года; «...создал целый обвинительный акт, не хуже судейского против Ласовича» [20, с. 274], — 31 марта 1901 года; «глубины зогадийной мерзости», — 30 октября 1917 года; «юбил. альбом „Ратингоффа“», — 31/13 августа 1918 года и др. Эти и некоторые другие словосочетания так и остались в текстах дневников без пояснений.

Еще одна из проблем — выбор имен для комментирования. Ведь стремительная смена поколений приводит к забвению даже самых выдающихся личностей. Это отчетливо видно в педагогической работе со студентами — еще 10 лет тому назад бесспорный лидер музыкального образования и летописец музыкальной жизни в Курске, Ида Юрьевна Татарская (1934–2007), для тех, кому сегодня 19–20 лет, уже стала историей и абсолютно незнакомым человеком. Даже теоретики (а именно она создавала наше историко-теоретическое отделение в музыкальном училище в конце 1950-х годов) уже не знакомы с ее деятельностью. Так вот, возвращаясь к дневникам. Потребность в комментировании имен возрастает с каждым десятилетием, и важно четко и предельно лаконично обозначить роль каждого, связав его с Н.Ф. Финдейзенем и информацией, имеющейся в архивных фондах.

В результате исследовательской работы было решено, что имена деятелей русской культуры комментируются в примечаниях при первом упоминании. Без аннотаций оставлены имена самых выдающихся музыкантов: композиторов, исполнителей, критиков (М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, П.И. Чайковского, А.Г. Рубинштейна, В.В. Стасова, А.Н. Серова и т.п.); артистов, сведения о которых хранила лишь память Финдейзена или возможна неоднозначная (а потому ошибочная) отсылка, а также купцов, домовладельцев и прочих лиц, единожды упоминающихся в дневниках и не игравших существенной роли как в истории культуры, так и в деятельности Н.Ф. Финдейзена.

В то же время в попытке раскрыть то или иное имя вновь выходишь на документы и понимаешь, что нельзя обойтись без дополнительных комментариев.

Возьмем такой фрагмент: «Был у Занетти, коснулся обломка милой старины — познакомился с его матерью, 1-й исполнительницей „Рогнеды“ — певицей Брони (ей 79 лет, родилась в 1840). На позапрошлой неделе у нее был легкий удар, помрачивший память

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

и отнявший внятность речи. Она напоминает покойную Людм<илу> Иван<овну>⁽⁷⁾. Рассказывала кое-что, показывала старые трофеи — итальянские печ<атные> стихи в ее честь и даже свои рукописи — одну на 6 языках, которыми владела (паралл<ельный> текст чего-то) и перепис<анную> ею „каллиграфически“ какую-то польскую рукопись — в 1859 г. — стоило сохранять эту ветошь и не сохранить ни одного // его портрета» [23, с. 278–279], — 1 февраля 1919.

Фабио Туллиевич Занетти — один из постоянных действительных членов Общества друзей музыки, Камилла Ивановна Брони-Ящинская — оперная певица (колоратурное сопрано) — эти имена бесспорно требуют пояснения. А Людмила Ивановна? Для людей старшего, да и среднего поколения совершенно ясно, что речь идет о сестре М.И. Глинки — Л.И. Шестаковой. А для молодых? При сегодняшней системе образования, когда сокращаются учебные часы на изучение историко-теоретических курсов до совершенно недопустимых размеров...

Этот фрагмент интересен и с точки зрения фактологических уточнений. Дата, которую назвала собеседница, оказалась сомнительной. Н.Ф. Финдейзен решил проверить полученные сведения и обратился к крестной метрической книге Брестского приходского костела. Найдя запись о крещении К.И. Брони-Ящинской, сделанную на польском и русском языках 20 января 1848 года, он сохранил ее копию [1]. Добавлю, что эта запись опровергает дату, упоминаемую А.М. Пружанским в «Отечественных певцах» как год рождения певицы — 1849.

Сберег Н.Ф. Финдейзен и упоминаемые в дневнике стихи [2], и факты биографии певицы: свидетельства, удостоверение, контракт [3; 5], официальную и частную переписку и т.п., и даже портрет [4]. Всего 21 единица хранения в 816 фонде ОР РНБ.

То есть примечания к одному фрагменту записи показывают, что собраны документы и материалы, включая ее фотографию, не только для энциклопедической справки, но и для воссоздания творческого портрета оперной певицы. И это — не частный случай, а базисная

(7) Речь идет о Людмиле Ивановне Шестаковой, сестре М.Л. Глинки.

тенденция в финдейзенской работе по сохранению музыкального наследия.

Таким образом, в основе системы комментариев к воспоминаниям и дневникам Н.Ф. Финдейзена лежало стремление к максимальной исторической достоверности, достижение которой возможно только при разработке первоисточников. Поэтому была поставлена цель — максимально привлекать материалы его архивных фондов для пояснений к тексту рукописей, что и обусловило их обилие в каждом томе дневников.

В целом можно сказать, что работа над примечаниями к дневникам Н.Ф. Финдейзена — захватывающий и многоплановый процесс, который высвечивает личность и деятельность их автора все более рельефно и ярко.

Немало затруднений в работе с дневниками Н.Ф. Финдейзена вызывали чисто *технические проблемы*: порой так хотелось найти брошюрку «Методические рекомендации по подготовке рукописи к изданию»! Увы, за отсутствием таковой приходилось изобретать собственные решения.

Орфография и синтаксис — первый камень преткновения. Если знаки препинания безболезненно и реально было привести в соответствие с современными нормами, то с текстологическими правилами гораздо сложнее. Без оговорок изменены прописные буквы на строчные в названиях дней недели, месяцев, родственников (Мама, Сестра), во вторых и последующих словах в названиях журналов, обществ и училищ, как, впрочем, и иные, неверные с точки зрения орфографии сегодняшней лингвистики, написания.

Исправлены по современным правилам слова с приставкой «без»: *бесильный* — на бессильный, *безпросветный* — на беспросветный, *безсистемный* — на бессистемный, *бесплатно* — на бесплатно и др. Сохранены только индивидуальные авторские устойчивые написания, вроде: *кафельная печь* (9 октября 1892), *куричьим* (28 декабря 1893), *пьянист* (6 мая 1893) и *фортепьянист* (29 июля 1896), *нелепств* (1 марта 1917), *матерьялов* (из письма Б.П. Юргенсона в примечании к 20 января 1917 года), *мильон* и *номер* (часто), или оригинальные сло-

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

восочетания, типа *напрасное нервничанье, воздвижение... памятника, хотелось подвоспитать его* или *они преславные люди*.

Словотворчество расцветает в последнее десятилетие жизни, когда в дневниках появляются такие слова, как *подпростудился, наерундил, сретировывається, копорчит, мильон и мильонер* (очень часто), *пропагатор, спекулятор, надругание, упитие, митингисты, номер, дезертирные товарищи, безвозбренные грабежи, мазурницкая революция, сорительная ложь* и т.п. И еще более оригинальные: *мильард, трильард* (часто и во всех числах и падежах); *противуположность* (много раз), *заведывать⁽⁸⁾* (*заведывающий* часто), *шкап — в шкапу — шкапы, поудивился* (7 раз за 1920–1923 годы) и др.; и единичные (приводятся в алфавитном порядке): *заштопорилось* (18 мая 1922), *кувырколлегия* (7 декабря 1923), *мерлихлюндия* (возможно, заимствованная у А.П. Чехова, декабрь 1923), *побетховенить* (14 апреля 1920), *ритмовка* (18 ноября 1921), *санатория* (женского рода, с 28 мая 1921) и *семинарии* (в смысле семинарские занятия, не раз), *сретовка* (18 ноября 1921), *филармонейцы* (21 июля 1922).

А ведь почти за каждым финдейзенским непривычно звучащим сегодня словом — философия жизни и мироощущения, к примеру *делегатша* — сочетание несочетаемого: девушка — «небесное создание» и роль партийного или профсоюзного делегата; *филармонейцы* — аналогично: профессионал или любитель музыки, посещающий филармонию, и армейцы всех типов — безграмотные красноармейцы, красногвардейцы, солдаты, служащие в армии, которых строем приводят в театры и на концерты; *заштопорилось* — дело, которое хорошо шло — написание лекции, к примеру, но из-за множества иных дел и встреч (за-штопором) вдруг остановилось: это не «стоп», не остановка, а так, из-за «штопора», на время; *побетховенить* — не просто поиграть на фортепиано или в ансамбле музыку Бетховена, но и полностью погрузиться в искусство величайшего музыкального психолога.

Сохранены и характерные только для Н.Ф. Финдейзена обороты речи. К примеру: «Санатория⁽⁹⁾ стала надоедать своим однообрази-

(8) Заведывать, заведывающий — устойчивое написание слова, характерное для времен Н.Ф. Финдейзена. От слова «веды» — знающий, ведущий и ведущий.

(9) Слово «санатория» в рукописи Н.Ф. Финдейзена мыслится и пишется только в женском роде.

ем», — 28 июня 1921 года; *обсанаты* — отдыхающие в общественном санатории — июнь 1921 года.

Слова и словосочетания из «нового мира» с определенным оттенком «советизмов» — также отражают характер повседневности той эпохи: *большевины* — 2 мая 1920 года; *делегатша* — 12 ноября 1920 года; «На Пасхе устроил музык<альный> сеанс у нас с Васильевым и Садовским», — 10 мая 1921 года; *педарх* (педагогический архив) — 25 сентября 1921 года. При этом стоит подчеркнуть, что особый колорит и индивидуальность авторского стиля в дневниках этих лет создается еще и финдейзенской игрой слов, когда помимо вышеприведенных примеров он пишет также о «придушивании человеческого существа и духа» (16 июля 1920), «о полной дезорганизованности нашего факультета» (5 января 1922), называя это время «период нын<ешнего> беспросветья» (23 марта 1922), когда «кровопийных плакатов нынче не развешивали» (6 ноября 1922), а ранее развешивали. И все это вызывало раздражение, в результате чего, как пишет он, «прозлился остальной вечер» (21 мая 1920).

Порой изменением традиционного звучания слов он, безо всяких пояснений, выражает собственное отношение к происходящему: «В Москве недавно на митинге Луначарский разгромил христианство и религию, под шумный аплодисмент аудитории» (13 мая 1921). Так речь первого наркома просвещения РСФСР одним, чуть искаженным словом «аплодисмент» низводится до обозначения фарса. То есть сохранение авторского написания текста до буквы дает возможность передачи отношения Н.Ф. Финдейзена к фактам современности.

Невольные ребусы Н.Ф. Финдейзен создавал стремлением к сокращению слов и использованию элементов скорописи. Любопытно, что с каждым годом они встречаются все чаще: пропускаются гласные буквы, применяются сокращения, понятные только ему, например, кк=как, тк=так, ккой=какой, ткой=такой и т.д., мсц=месяц, мнр=монастырь и др. В тексте, для облегчения чтения, подобные приемы не отмечаются, а слово дается полностью. Не раскрываются и общепринятые сокращения. Явные ошибки и опечатки исправляются без дополнительных оговорок.

Нередко многодневный поиск приводил к совершенно элементарным расшифровкам. К примеру, начиная с 1917 и до середины 1920-х годов в дневниках появляется странное обозначение, похожее

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

на знак бесконечности. Путем логических вычислений оказалось, что это — фунт (ф.), единица измерения массы, которая в те голодные годы была в торговом употреблении.

Аббревиатуры — еще один бич начала советской власти. Н.Ф. Финдейзен, как и всякий мыслящий интеллигент, не может с ними смириться и даже выписывает в 1920 году наиболее часто употребляемые на двойной лист. Вот лишь некоторые из них, взятые с первой страницы записи: «Наморон — начальник морских дел; Покварту — окружное квартирное управление петроградского военного управления; Наркоминдела — Народн<ый> комиссариат по иностранным делам; Наштофлот — Начальник штаба флота; Гвиу — главное военно-инженерное управление; Гау — главное артиллерийское управление» [1, л. 2] и т.д. Запись похожа на словарь иностранных слов, в котором дается перевод на русский язык непонятных терминов. Все это воспринимается им как превращение родины в «царство расплывшегося хамства» по Д.С. Мережковскому, как реальное воплощение его предсказаний 1906 года в исследовании «Грядущий хам».

Возможно, столь саркастическое отношение к аббревиатурам обусловило тот факт, что в рукописях Н.Ф. Финдейзена нет их окончательного утверждения и однозначного написания даже для самых часто употреблявшихся названий: «РМГ», РМГазета и Р.М.Г., «ИРМО», И.Р.М.О., имп. РМО. При публикации они приведены к ставшему традиционным в XX веке — РМГ и ИРМО.

Финдейзен писал в дневнике, как правило, с редким выведением красной строки и абзацев. Чтобы выделить новую мысль, он использовал тире перед предложением. В случае, когда он обозначает ее двумя или тремя (и даже четырьмя) тире — в изданных дневниках дается новый абзац.

Карандашные пометы в тексте и на полях вынесены в примечания. Даты приводятся по авторскому варианту (стиль и расположение). Случаи нарушения датировки комментируются и приводятся в соответствии с логикой повествования, осознаваемые как описки.

Весьма непросто было принять систему Н.Ф. Финдейзена по авторским отметкам в рукописях: подчеркивание, выделение курсивом, разрядка и т.п., которые приводятся в изданных дневниках в соответствии с первоисточником.

Изредка Финдейзен использует в рукописи не только круглые, но и квадратные скобки, поэтому для редакторской расшифровки слов или иных указаний были избраны угловые скобки, что сохранено и для данной статьи.

Текст тетрадей дается без сокращений — это принципиальная установка, которая порой вызывала споры с привлекавшимися к работе сотрудниками (для сверки текста). Пользуясь установками недавнего прошлого, люди старшего поколения предлагали удалить отдельные абзацы политического или семейного характера. Споры помогли утвердиться в осознании вневременного значения дневников, и поэтому весь текст рукописи дневника, даже перечеркнутые автором до уровня нечитабельности абзацы, сохранен в изданных томах в полном объеме, о чем обязательно сообщается в примечаниях к частично вымаранным фрагментам.

Заключение

Таким образом, осмысление форм и методов работы с дневниковыми рукописями приводит к логическому выводу о том, что вполне можно выработать единство требований к расшифровке сокращенных слов, аббревиатур и их правомерности в издаваемых текстах, да и орфографии... И при этом дать рекомендации к анализу системы авторских выделений в тексте для создания своей системы, которая бы никоим образом не препятствовала наиболее полной публикации версии рукописи.

Особо следует акцентировать тот факт, что возможность понимания авторского текста, обеспечиваемая комментированием, во многом заслуга самого создателя архивного фонда. То есть, в конкретном случае, Н.Ф. Финдейзена: именно он собрал грандиозный архив, цена факты истории и документы, их подтверждающие.

Сохранность материалов личных архивов обеспечивает хотя бы частичное восстановление многопланового образа незаурядных деятелей культуры. А для того, чтобы иметь такую возможность по отношению к их домашним коллекциям — ввести, как правило, как закон, прижизненную подготовку самого ценного для передачи на госхранение. Ведь так много утрачивается из-за недопонимания самими авторами ценности их рукописей. То есть повторить дей-

ствия Н.Ф. Финдейзена или исторический подвиг А.С. Белоненко, совершенный им по отношению к аудиозаписям Г.В. Свиридова при систематизации и последующем издании на дисках аудиоархива композитора.

Не без влияния Александра Сергеевича, который с 2003 по 2018 год читал курс лекций о музыке XX века на факультете искусств Курского госуниверситета и выступал по курскому радио (Россия ГТРК-Курск), Дневники Н.Ф. Финдейзена с 1915 года были оцифрованы, и работа велась уже на новом техническом уровне.

Что же дает такой подход?

1. Обеспечивает сохранность рукописи. Одно этого уже достаточно. Электронные копии, которые сегодня легко делаются бесконтактным фотографированием, вполне пригодны для регулярного многолетнего применения. Работая над первыми книгами в 1990-е годы и не имея технической возможности к осуществлению копирования, с болью наблюдала, как с каждым повторным заказом ветшают финдейзеновские дневники. Сегодня проблема их сохранности вполне решается.

2. Возможность более точной расшифровки текста, многократного возвращения к трудным местам для уточнения отдельных слов.

Что мешает?

Некий запрет на полное копирование материалов. Даже для подготовки к научному и комментированному изданию. А ведь работа с дневниками Н.Ф. Финдейзена велась при госбюджетной поддержке: под эгидой Российского государственного научного фонда, слившегося впоследствии с Российским фондом фундаментальных исследований. Почему же пришедшему на смену этим фондам Российскому научному фонду не сделать это, напротив, обязательным условием работы с рукописями при получении финансовой, подчеркнем, государственной поддержки? Ведь в этом случае за счет гранта создавались бы полные электронные копии ценных рукописей, не только передаваемые заказчику, но и становившиеся бы цифровыми документами фондов самого архива. Это бы дало возможность при последующей работе — редакторском сомнении в правильности прочтения текста или при

подготовке второго издания — пользоваться не только подлинниками, а уже и электронными копиями, находящимися в открытом доступе⁽¹⁰⁾.

Завершить анализ отдельных методологических аспектов подготовки рукописей дневников Н.Ф. Финдейзена к изданию хочется словами Г.В. Свиридова, сказанными им по отношению к Д.Д. Шостаковичу, и которые вполне можно применить к мыслителям-музыкантам самых разных эпох: «Фигура эта глубоко сложная, глубоко противоречивая. Для того чтобы его постигнуть, нужно прежде всего узнать все его сочинения. Все сочинения должны быть изданы. Теперь... Необходимо издать все его статьи, заметки, дневники, его воспоминания, изданные за границей. Издать все, что он говорил, что он писал. Это должно быть тщательным образом все изучено. Сам ли он писал или подписывал — это вопрос другой, пусть изучают. Все, что касается этого человека, должно быть изучено» [цит. по: 13, с. 5–6].

Продолжим мысль: все, что создано для человечества, должно быть сохранено и обнародовано — иначе остановится духовная эволюция цивилизации. Этому посвятил свою жизнь Н.Ф. Финдейзен, всегда помня слова Н.И. Компанейского: «В этой памяти мы познаем себя...» [15, с. 335].

(10) Сегодня такая работа уже ведется: создание сайта Госкаталог.РФ, размещение рукописей на сайте Института русской литературы и искусства (Пушкинский дом), создание электронной базы «Чайковский: Открытый мир: Рукописное наследие композитора» на портале Культура.РФ и др.

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

Источники:

- 1 *Брони-Занетти (рожд. Ящинская) К.И.* Запись из крестной метрической книги Брестского приходского костела о крещении К. Ящинской. Копия на польск. и рус. яз.: 20 янв. 1848 // ОР РНБ⁽¹¹⁾. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 2359. 1 л.
- 2 *Брони-Занетти К.И.* Сонеты и стихотворения в ее честь на итал. яз. Печатные экземпляры. Приложение: групповой фотопортрет с дарственной надписью и датой: 7 июня 1863. 1864–1870 и б.д. // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 2370. 10 л.
- 3 *Брони-Занетти К.И.* Контракт с ее дирекцией имп. театров. Подписи К.И. Брони, министра имп. двора гр. Адлерберга: 30 июня 1865 // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 2361. 1 л.
- 4 *Брони-Занетти (Ящинская) К.И.* Портрет ее (поясной). Литография: 1860-е – 1870-е годы? // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 4. Ед. хр. 3424. 2 л.
- 5 *Брони-Занетти К.И.* Свидетельство, выданное ей русским генеральным консульством в Неаполе в том, что она дочь русского подданного И. Ящинского и вышла замуж за итальянца Т. Занетти. На итал. яз.: 3/15 окт. 1873 // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 2362. 2 л.
- 6 *Финдейзен (Кубли) Н.О.* Записная книжка. На нем. яз. Записи о школьных занятиях Н.Ф., П.Ф. и Л.Ф. Финдейзен: 1876–1888 // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 2206. 12 л.
- 7 *Финдейзен Н.Ф.* Дневник. 1 янв.– 15 окт. 1891 // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 368. 154 л.
- 8 *Финдейзен Н.Ф.* О введении в программу учебного плана Народной школы курса Всеобщей истории музыки. Докладная записка и программа одногодичного курса: 18 сент. 1918 г. // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 258. 7 л.
- 9 *Финдейзен Н.Ф.* Дневник. 12 июля 1909–16 марта 1920 // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 374. 292 л.
- 10 *Финдейзен Н.Ф.* Завещательное распоряжение относительно своих бумаг, переданных в Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки: 23 февраля 1920 г. // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 25. 1 л.
- 11 *Финдейзен Н.Ф.* Записи разных лет. Автограф: 1920 и б.д. // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 377. 3 л.
- 12 *Финдейзен Н.Ф.* Дневник (1920–1928). VII-я книга дневника // Российский национальный музей музыки. Ф. 87. Ед. хр. 1068. 160 л.

Список литературы:

- 13 *Белоненко А.С.* Из чего рождается гармония // *Свиридов Г.В.* Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 5–56.

(11) ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

- 14 Блок А.А. Очерки. Статьи и речи. Из дневников и записных книжек, письма: Сочинения в 2 т. / Сост., подготовка текста, вст. статья и коммент. В. Орлова. Т. 2. М.: Гослитиздат (Ленинградское отделение), 1955. 847 с.
- 15 *Компанейский Н.И.* Много званных, но мало избранных // Русская музыкальная газета. 1906. № 13. Стб. 335–340.
- 16 *Космовская М.Л.* Николай Финдейзен. Дневники (1893–1920) / Расшифровка фрагментов рукописи, составление, вступительная заметка, комментарии // Музыкальное обозрение. 1995. № 4. 1 п.л.
- 17 *Космовская М.Л.* «Моя жизнь – в работе». Н.Ф. Финдейзен. Автобиография / Расшифровка рукописи, вступительная статья, комментарии // Рукописные памятники. Вып. 5. Из истории музыкальной культуры. СПб.: РНБ, 1999. С. 138–152.
- 18 *Космовская М.Л.* Фрагменты дневников 24-летнего Н.Ф. Финдейзена (1892) / Расшифровка рукописи, подготовка к публикации // Музыкальное обозрение. 1999. № 3/4. С. 17.
- 19 *Римский-Корсаков А.Н.* Музыкальные сокровища рукописного отделения Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л.: Изд. ГПБ, 1938. 112 с.
- 20 *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1892–1901 / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 430 с.
- 21 *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1902–1909 / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 392 с.
- 22 *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1909–1914 / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 376 с.
- 23 *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1915–1920 / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 576 с.
- 24 *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1920–1924 / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 480 с.
- 25 *Финдейзен Н.Ф.* Из моих воспоминаний / Рукописные памятники. Вып. 8. Подготовка текста, вступительная статья и примечания М.Л. Космовской. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 352 с.

Sources:

- 1 Broni-Zanetti (rozhd. Yashchinskaya) K.I. Zapis' iz krestnoi metricheskoj knigi Brestskogo prikhodskogo kostela o kreshchenii K. Yashchinskoi. Kopiya na pol'sk. i rus. yaz.: 20 yan. 1848 [An Entry from the Baptismal Register of the Brest Parish Church about the Baptism of K. Yashchinskaya. A Copy in Polish and Russian Language: January 20, 1848]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 3, unit of storage 2359, 1 l. (In Russian, in Polish)
- 2 Broni-Zanetti K.I. Sonety i stikhotvoreniya v ee chest' na ital. yaz. Pechatnye ehkzemplary. Prilozhenie: gruppovoi fotoportret s darstvennoi nadpis'yu i datoi: 7 iyunya 1863. 1864–1870 i b.d. [Sonnets and Poems in Her Honor in Italian. Printed Copies. Appendix: Group Photo Portrait with a Gift Inscription and Date: June 7, 1863. 1864–1870 and without date]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 3, unit of storage 2370, 10 l. (In Italian)
- 3 Broni-Zanetti K.I. Kontrakt s ee direktsei imp. teatrov. Podpisi K.I. Broni, ministra imp. dvora gr. Adlerberga: 30 iyunya 1865 [Contract with Her Management of Imperial Theatres. Signatures of K.I. Broni, Minister of the Imperial Court of Count Adlerberg: June 30, 1865]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 3, unit of storage 2361, 1 l. (In Russian)
- 4 Broni-Zanetti (Yashchinskaya) K.I. Portret ee (poyasnoi). Litografiya: 1860–e – 1870–e gody? [Portrait of Her (Waist). Lithography: 1860s – 1870s?]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 4, unit of storage 3424, 2 l. (In Russian)
- 5 Broni-Zanetti K.I. Svidetel'stvo, vydanoe ey russkim general'nym konsul'stvom v Neapole v tom, chto ona doch' russkogo poddannogo I. Yashchinskogo i vyshla zamuzh za ital'yantsa T. Zanetti. Na ital. yaz.: 3/15 okt. 1873 [Russian Consulate General in Naples Issued Her a Certificate Stating That She is the Daughter of a Russian Citizen I. Yashchinsky and Married an Italian T. Zanetti. In Italian: Oct. 3/15, 1873]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 3, unit of storage 2362, 2 l. (In Italian)
- 6 Findeyzen (Kubli) N.O. Zapisnaya knizhka. Na nem. yaz. Zapisi o shkol'nykh zanyatiyakh N.F., P.F., i L.F. Findeyzen: 1876–1888 [A Notebook. In German. Records of School Classes of N.F., P.F., and L.F. Findeisen: 1876–1888]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 3, unit of storage 2206, 12 l. (In German)
- 7 Findeyzen N.F. Dnevnik. 1 yan. – 15 okt. 1891 [Diary. January 1 – October 15, 1891]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 1, unit of storage 368, 154 l. (In Russian)
- 8 Findeyzen N.F. O vvedenii v programmu uchebnogo plana Narodnoi shkoly kursa Vseobshchei istorii muzyki. Dokladnaya zapiska i programma odnogodichnogo kursa: 18 sent. 1918 g. [About the Introduction of the Course of the Universal History of Music into the Curriculum of the National School. The Memorandum and the Program of the One-year Course: September 18, 1918]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 1, unit of storage 258, 7 l. (In Russian)
- 9 Findeyzen N.F. Dnevnik. 12 iyulya 1909–16 marta 1920 [Dairy. July 12, 1909 – March 16, 1920]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 1, unit of storage 374, 292 l. (In Russian)

Методология работы с рукописями.

(Из опыта подготовки к публикации материалов из архивных фондов Н.Ф. Финдейзена)

- 10 Findeyzen N.F. Zaveshchatel'noe rasporyazhenie otnositel'no svoikh bumag, peredannykh v Rukopisnoe otdelenie Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki: 23 fevralya 1920 g. [Testamentary Disposition Regarding His Papers Transferred to the Manuscript Department of the State Public Library: February 23, 1920]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 1, unit of storage 25, 1 l. (In Russian)
- 11 Findeyzen N.F. Zapisi raznykh let. Avtograf: 1920 and b.d. [Records of Different Years. Autograph: 1920 and without date]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 816, inv. 1, unit of storage 377, 3 l. (In Russian)
- 12 Findeyzen N.F. Dnevnik (1920–1928). VII-ya kniga dnevnika [Dairy (1920–1928). The 7th Book of Dairy]. *Rossiyskii natsional'nyi muzei muzyki* [Russian National Museum of Music], f. 87, unit of storage 1068, 160 l. (In Russian)

- 22 Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1909–1914* [Diaries. 1909–1914], introd. article, transcript of the manuscript, research, com., preparation for publication M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013. 376 p. (In Russian)
- 23 Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1915–1920* [Diaries. 1915–1920], introd. article, transcript of the manuscript, research, com., preparation for publication M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2016. 576 p. (In Russian)
- 24 Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1920–1924* [Diaries. 1920–1924], introd. article, transcript of the manuscript, research, com., preparation for publication M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2021. 480 p. (In Russian)
- 25 Findeyzen N.F. *Iz moikh vospominanii* [From My Memories], rukopisnye pamyatniki [Handwritten Monuments], issue 8, preparation of the text, introd. article and notes M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka Publ., 2004. 352 p. (In Russian)

References:

- 13 Belonenko A.S. Iz chego rozhdaetsya garmoniya [From What Harmony Is Born]. Sviridov G.V. *Muzyka kak sud'ba* [Music as Destiny], comp., preface and comments A.S. Belonenko. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2002, pp. 5–56. (In Russian)
- 14 Blok A.A. Ocherki. Stat'i i rechi. Iz dnevnikov i zapisnykh knizhek, pis'ma: Sochineniya v 2 t. [Essays. Articles and Speeches. From Diaries and Notebooks, Letters: Works in 2 vols.], comp., text preparation, introd. article and comments V. Orlov. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat (Leningradskoe otdelenie) Publ., 1955. 847 p. (In Russian)
- 15 Kompaneiskii N.I. Mnogo zvannykh, no malo izbrannykh [Many Are Called, but Few Are Chosen]. *Russkaya muzykal'naya gazeta*, 1906, no. 13, pp. 335–340. (In Russian)
- 16 Kosmovskaya M.L. Nikolai Findeyzen. Dnevnik (1893–1920) [Nikolai Findeizen. Diaries (1893–1920)], transcription of fragments of the manuscript, compilation, introductory note, comments. *Muzykal'noe obozrenie*, 1995, no. 4, 17 p. (In Russian)
- 17 Kosmovskaya M.L. "Moya zhizn' — v rabote". N.F. Findeyzen. Avtobiografiya ["My Life Is in Work". N.F. Findeisen. Autobiography], transcription of the manuscript, introd. article, comments. *Rukopisnye pamyatniki*. Vyp. 5. Iz istorii muzykal'noi kul'tury [Handwritten Monuments. Issue 5. From the History of Musical Culture]. St. Petersburg, RNB Publ., 1999, pp. 138–152. (In Russian)
- 18 Kosmovskaya M.L. Fragmentsy dnevnikov 24-letnego N.F. Findeyzena (1892) [Fragments of the Diaries of 24-year-old N.F. Findeisen (1892)], transcription of the manuscript, preparation for publication. *Muzykal'noe obozrenie*, 1999, no. 3/4, p. 17. (In Russian)
- 19 Rimskii-Korsakov A.N. *Muzykal'nye sokrovishcha rukopisnogo otdeleniya Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina* [Musical Treasures of the Manuscript Department of the M.E. Saltykov-Shchedrin State Public Library]. Leningrad, Izd. GPB Publ., 1938. 112 p. (In Russian)
- 20 Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1892–1901* [Diaries. 1892–1901], introd. article, transcript of the manuscript, research, com., preparation for publication M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004. 430 p. (In Russian)
- 21 Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1902–1909* [Diaries. 1902–1909], introd. article, transcript of the manuscript, research, com., preparation for publication M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2010. 392 p. (In Russian)